

М. Л. Лупина

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ СО СТРАНИЦ «НИЗОВОЙ» ПРЕССЫ СТО ЛЕТ НАЗАД (По материалам газеты «Петербургский листок»)

В конце XIX века в России наблюдался бурный рост промышленного производства, увеличение городского населения за счет притока крестьян из деревни. В одном только Петербурге к 1910 году количество жителей увеличилось в сравнении с 1860-ми годами в полтора раза. Основную массу населения составляли трудящиеся: рабочие, мастеровые, недавние выходцы из деревни. Рабочий, крестьянин в лучшем случае заканчивал три класса земской школы или, что чаще, умел по складам читать псалтырь. В этих условиях к середине XIX века складываются предпосылки возникновения специальной отрасли – массовой литературы для народа.

Тиражи журналов и газет, ориентированных на низовую аудиторию, неуклонно растут к концу XIX века. С 1860 по 1900 годы суммарный тираж газет (разовый) вырос с 65 тыс. до 900 тыс. экз.

Газета «Петербургский листок» начала выходить в столице с 1864 года. Она являлась самой дешевой вплоть до 1917 года. Наиболее стабильными подписчиками «Петербургского листка» были трактиры и чайные, где газета хранилась и читалась чаще всего вслух. Основными посетителями трактиров были, разумеется, мужчины. Однако газета помещала материалы, рассчитанные и на женскую аудиторию, в том числе – сведения о парижских модах, подробные описания костюмированных балов, переводные романы. Читательскую аудиторию составляли грамотные рабочие, мелкие купцы, приказчики и прислуга. Одной из причин процветания этой газеты явилась постоянная публикация литературных рубрик. Для большинства читателей это было единственным доступным видом литературы – доступным, прежде всего, по уровню содержания и изложения. Весь материал подавался в «низовой газете» завлекательно, стиль изложения тяготел к устной речи. Такая газета занимала «промежуточное положение между устной словесностью и печатью в собственном смысле слова» (см.: Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту. М., 1991).

Рассмотрим творчество двух популярных авторов этой газеты – Николая Николаевича Животова и Александра Ивановича Деянова.

Судьбы этих людей оказались довольно схожими. Оба родились в Петербурге, в небогатых семьях. Животов сдал экзамен на звание учителя начальных училищ; Деянов был военным, служил в Забайкальском казачьем округе. Оба были вынуждены зарабатывать на жизнь литературным и журналистским трудом, они являлись сотрудниками сразу нескольких изданий для «низовой» и средней публики. Напряженная работа в периодике явилась причиной ранней смерти обоих. Животов прожил 42 года, Деянов на год меньше.

По своему образовательному и культурному уровню, интеллектуальному горизонту они были не подготовлены обслуживать потребности более культурных читателей. Однако для своей аудитории они писали понятно и содержательно.

Оба автора испытали сильное воздействие со стороны народной художественной культуры, что не замедлило сказаться на проблематике, строе образов, стилистике их произведений. Следы этого воздействия присутствуют в повествовательной ткани.

Королем репортажа называли Н. Н. Животова коллеги в конце прошлого века. Особо удавались журналисту живые описания с мест пожаров. Ему же принадлежит блестящая серия очерков «Петербургские профили» (вып. 1 – 4. СПб., 1894 – 1895). Задавшись целью выяснить, как живет в столице простым извозчиком, похоронным служкам (факельщикам), босякам, автор совершает ряд перевоплощений и ведет репортаж с мест событий как бы от имени этих людей. Кроме интересных подробностей из жизни беднейших слоев, привлекает внимание и ряд описаний города.

Автором усиленно пропагандируется мысль о том, что существуют два Петербурга, два города в одной столице: Петербург «черный» и «веселящийся». Вот каким предстает Невский проспект с высоты извозчицких козел ночью 16 июня 1893 года: «Остановившись против Гостиного двора я стал наблюдать ... Было совсем светло, народ двигался непрерывною волною... Почти исключительно “отравленные”, с бессмысленными взорами, нетвердыми шагами, дикими выходками, неприличными телодвижениями, непристойными окликаками. Поминутно столкновения, препирательства, брань. Один сбивает палкою шапки с извозчиков и дворников... Другой хватает встречных дам и говорит плоскости, третий пишет зигзаги по панели, бормочет мотив».

Шумный гуляющий Невский не укладывался на ночь спать, а замирал лишь к 5 утра.

«Уже солнышко появилось на горизонте и осенило своими лучами “пьяный Невский”. В окнах ресторанов свет горящих еще ламп встретился с лучами солнца. На утреннюю прохладу начавшегося дня несутся из раскрытых окон голоса опьяневших посетителей, звуки органа, винно-табачные клубы, отравляющие воздух. С каждым часом приближающегося дня картина становится пошлее: девицы делают все решительнее, хватая проходящих “отравленных”. “Отравленные” чувствуют себя все хуже и хуже, некоторые растягиваются на панели, <...> костюмы растерзанные, шляпы измятые, ноги в грязи, физиономии измученные, <...> хотя стараются сделать улыбку».

Основной лейтмотив данной картинки – «белая» столица пьет по «черному», да так, что человек из высшего сословия выглядит не лучше бродяги. Таким образом, парадный веселящийся Петербург смыкается, по мнению Животова, с Петербургом темным и грязным.

Тем не менее, в городе существовали целые районы, где человеку низкого сословия нельзя было днем не то чтобы пройтись, а даже проехать на телеге. Это было возможно только ранним утром. Роман Животова «Игнатка-горюн» прямо так и начинается: «В часы раннего утра все парадные улицы Петербурга открыты для рабочего люда». И почти с удивлением далее автор добавляет: «Можно даже по Невскому проспекту и Большой Морской видеть деревенские розвальни с крынками и ломовые подводы с бревнами или пешеходов в валенках с ломами, пилами, топорами. После девяти утра начинают пробуждаться господа. Швейцары чистят ручки массивных зеркальных подъездов, дворники посыпают тротуары, роскошные магазины протирают саженные стекла с выставками. На всех углах парадных улиц вырастают фигуры стражей и слышится грозное “прочь”. Если “роспуски” или “ва-

ленки” случайно очутятся в то время на Невском, то они уподобляются волку, забежавшему в деревню: их преследуют, за ними гонятся, а они, быстро сообразив свою вину, мечутся из стороны в сторону, готовые провалиться сквозь землю».

Но не будем обижаться сразу же за весь «черный» бедный Питер. Всему есть объяснение. Его мы находим в тексте «Петербургских профилей». Как, к примеру, выглядел в 1893 году среднестатистический извозчик? Он «в среднем находится на работе по 16 – 18 часов в сутки, причем спит не раздеваясь, и даже в удушливой обстановке трактира – не расстегнувшись. Потому что устройство кушака и армяка требует не менее четверти часа на облачение». Небритые, с длинными бородами и волосами, с распухшими от пьянства лицами. Им присущи неременная вшивость и питье алкоголя за так называемым чаем. «Его руки, лицо покрыты толстым слоем грязи и пыли, образовавшим твердую кору, которую он по утрам только обмачивает водою, отнюдь не употребляя мыло». Сам автор заключает: «Это тип чего-то среднего между скотом и человеком».

Поэтому такому человеку запрещалось появляться на чистой половине трактиров, на центральных улицах, не разрешалось покидать козлы. Подждать седока у богатых домов было также нельзя, как и останавливаться вблизи приличных увеселительных заведений.

Гораздо больше, чем парадный город, занимает автора Петербург трущоб: «... эта жизнь стоит наблюдения, но не в монокль или с высоты бельэтажа, <...> она несравнимо более интересна, чем то, что мы видим на театральной сцене, в гостиных знакомых, в салонах, клубах и собраниях». Автор почти внушает: и вы, господа, тоже грязные, несмотря на свои костюмы и образование, «вы тоже нуждаетесь в лакейских советах и извозничьей философии» («Петербургские профили»).

В произведениях Животова особо впечатляют женские образы.

В приключенческом романе «Макарка-Душегуб» выведен обаятельнейший образ женщины-«звезды» петербургского дна. Стоял когда-то «... питейный дом на Обводном канале, известный под названием “Машкин”. Прозвище свое кабак получил от некоей Марьи Ивановой, молодой, высокой, когда-то красивой девушки, успевшей к двадцати пяти годам дойти до подзаборной жизни. Эта Машка прославилась своим беззаботно веселым характером». Посетители любят ее за прекрасный голос и хватающие за душу песни. Словом, идеализированный образ балаганно-ярмарочной красотицы, которая любит свободу, разгул, не желает быть на содержании, «худого никому ничего не делает и живет как птица вольная».

В героине, словно с лубка сошедшей, чувствуется нечто родственное пироманиевским красавицам, а с другой стороны – явная близость блоковской Катюке из «Двенадцати». Для «малой», «низовой» прессы такой образ является, пожалуй, исключением. Ибо чаще всего было принято изображение женщин-злодеек, роковых красавиц или, напротив, почти тургеневских героинь-страдалиц, обиженных девушек «необычайной красоты». Животов пытается отойти от наскучивших публике образов-штампов, решает разнообразить портретную галерею.

В романе «Тайны двух клубов» Животовым выведен настоящий бальзаковский Гобсек, только в юбке – образ деловой женщины капиталистического общества.

Молодая девушка выходит замуж по расчету за богатого старика-графа. Со смертью мужа она становится владелицей двух тысяч десятин земли, особняка на Сергиевской улице в Петербурге и целой кипы акций промышленных обществ. Все это через двенадцать лет превращает хорошенькую горничную в графиню, на которую нельзя было смотреть без отвращения: «... молодая еще женщина лет 38-ми, в ситцевой полинявшей юбке и такой же кофте; волосы не чесаны; жирные потные

руки с траурными ногтями; толстое красное луноподобное лицо с узкими глазами, приплюснутым носом и маленьким безгубым ртом ничего не выражало и действовало на посторонних как-то отталкивающе». Графиня забыла о внешности, развлечениях и удовольствиях, зато, как пишет автор, «дело она поставила лучше иного банка»: сделалась ростовщицей и почти удвоила прежнее состояние мужа, «приобрела массу клиентов среди высшего общества», хотя «условия ее были суровее еврейских касс ссуд». Несмотря на солидный штат служащих, графиня во все мельчайшие подробности и детали вникала сама, т. к. никому не доверяла.

Дом графини – под стать хозяйке, особняк на Сергиевской улице частично превращен ею в офис. Дом «каменный, одноэтажный, с византийскими окнами и зеркальными стеклами, весь в густой зелени, окруженный тенистым садом, напоминает старинные помещичьи дворцы, <...> старинная резьба фасада, рельефный герб со щитами и графской короной, массивные приборы и украшения». Внешне все обычно и пристойно. Однако внутри «часть комнат заставлена столами с ворохами бумаг, будуар графини напоминает бухгалтерский кабинет. Гостиная, зал, столовая отделаны богато, но все запущено и годами не ремонтируется». И уж совсем не используются дальние комнаты особняка: «Высокие, массивные, с старинной мебелью хоромы смотрели мрачно, точно сараи; некоторые отдавали сыростью... В кабинете покойного графа были развешаны для просушки какие-то тряпки; на полу одной из зал рассыпан картофель и капуста».

Герои почти всех произведений Животова, подобно персонажам лубочного театра, складываются как герои-олицетворения, как герои-схемы. В выше приведенном примере графиня есть олицетворенная Скупость. Встречаются у Животова и Добродетель (Сусанна Краева из романа «Цыган-Яшка»), Хитрость и Злоба (цыган Яшка и Макарка-душегуб в одноименных произведениях).

В итоге, использование приемов гротеска и схематизации, игра на контрастах позволяют Животову создавать сюжетную напряженность и таким образом увлечь читателя изложением. Это один из выигрышных путей доведения материала до «низовой» читательской аудитории.

Несколько иную сферу осваивал и разрабатывал коллега Животова по редакции «Петербургского листка» Александр Иванович Деянов. Написанное им принадлежит, в основном, к жанру бытового романа с некоторыми элементами детективности, или, как обозначались произведения в подзаголовках и рекламах, – «роман из петербургской жизни».

В 1898 году с января по май газета публиковала роман «Из-за денег», посвященный животрепещущей для всех теме – как разбогатеть, не потеряв чести и достоинства. Выход, оказывается, есть. Главные герои заняты поиском наследства. Как говорит о себе присяжный поверенный Хворостов, «я Чичиков своего рода, но без мертвых душ и уголовных наклонностей».

Как бы сложно ни был закручен сюжет, а именно в этом Деянов мастер, на несколько иной лад настраивают городские картины. Причем для автора важен не конкретный пейзаж, а его собственное чувство города, которое передается и читателю.

«Петербургская весна, – пишет он, – робкая, хилая, неуверенная <...>. Дожди испортили дорогу, солнце чаще прежнего выглядывало из-за хмурых, туманных облаков и помогало дворникам “убирать весну”. Воздух отсырел, пахло прелью, – обычный аромат городской весны.

Наступала, одним словом, та пора, когда поезда Варшавской дороги начинают все чаще и чаще возить счастливцев на юг».

Любой пейзаж является у автора лишь фоном разворачивающихся событий, он чаще всего условен (какое-то поле, некий дом в конце проспекта и т. п.).

Главное место отведено диалогам и монологам, местами текст романа напоминает театральные сценарии. Передача так называемых голосов улицы и толпы часто не связана с развитием действия, но позволяет создать у читателя ощущение правдоподобия происходящего. К примеру, совершенно лишена смысла для развития сюжета пустая болтовня яличника (лодочника) в начале романа «Из-за денег»:

«– С июля, почитай, хорошей погоды не видали, а мы городской публикой живем, которая, значит, ежели гуляет... На охтенской-то гольтьбе много не настреляешь, – она вся на пароходе норовит... Пароход, пароходом, а ты свою выручку подай. А у нас приказчик – прямо ирод... Два, да два с четвертаком. Ложись и умирай одно слово».

Этот же прием аналогично использован и в романе «Директор-Прошка». Здесь встречаются зарисовки с натуры весьма умильные. Так, за обедом в трактире дворник поддерживает совершенно серьезный разговор на тему:

«– Хорош гриб рыжик... опосля водки – первый гриб.

Он подумал и добавил:

– Но и груздь занимателен... Особливо ежели его с подсолнечным маслом и луком... Картошку тоже накрошить...»

Весьма явно слышится авторская ирония в подобных текстах. Однако выглядит все не грубо и не пародийно, а как-то особенно мило. Возможно, именно здесь и разлита та поэзия, которую ощутит не каждый, а лишь тот, кто привык вслушиваться и понимать голоса улицы, язык народа, затейливый и причудливый, как орнамент. Деянов любовался им, создавая свои диалоги. Нынешнему же читателю это помогает почувствовать атмосферу города той поры.

Главный герой романа «Директор-Прошка», также как и романа «Из-за денег», выведен весьма идеализированным. Прохор Гаврилович тоже решает разбогатеть по-честному; по всем законам сказочного сюжета ему это в конце концов удается. Вполне естественным кажется то, что главный герой романа «Из-за денег», человек интеллигентный, образованный – Хворостов практически лишен недостатков, как не имеет он и пороков. Но Прошка – бывший трактирный лакей, а дома у него «не держали спиртного, и водка к обеду не подавалась». Это странно, тем более, что жена его из купеческой семьи. Он ее балует, наряжает, тратит уйму времени на поиски ее любимого лакомства – яблочной пастилы. Сама Анна Тихоновна, «женщина рослая, полная, с добродушным лицом, была еще далеко не стара и милостива и, судя даже по домашнему платью, любила принарядиться...».

Тихая семейная идиллия, брак по любви и достаток – все на ту же тему «города всеобщего счастья» – соотносятся с известными образами в изобразительном искусстве. Достаточно вспомнить полотна Ефима Честнякова, игрушки городецких резчиков или обаятельных купчих Б. Кустодиева. У Деянова здесь пленяет сказочное обаяние будничного, обыденного.

Интересно, что сейчас, почти через сто лет, традиция создания подобных произведений массовой культуры не утратила. Романы получили альтернативу себе в виде многочисленных популярных теле- и киносериалов. И наоборот, некоторые нынешние городские пейзажи и жители Петербурга напоминают персонажей литературы тех лет.